

Л. В. Озолия

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

**О структурной и семантической соотносимости
грамматических единиц языков типологически различных систем
Часть 1. Грамматические классы***

Рассматриваются вопросы выявления и обоснования выбора универсальных критериев частеречного членения единиц в языках типологически различных систем. При широко распространенной в тунгусо-маньчжурских языках синкретичности основ (грамматической омонимии) и такой синтаксической норме, как жесткий порядок членов в предложении, на первый план традиционно выдвигаются синтаксические характеристики, дополняемые морфологическими категориальными признаками (склонение и притяжение, спряжение и время и пр.) и семантическими характеристиками, определяющими общеграмматическое значение. На основе общеграмматического значения (предметность, процессуальность во времени, атрибутивность и адвербиальность) все знаменательные слова языка разбиваются на грамматические классы. Образование лексических единиц внутри каждого класса позволяет сформировать инвентарь моделей. Анализ морфолого-семантической структуры словоформы в соотносимых языках выявляет соответствие русской лексической единицы и ряда тунгусо-маньчжурских морфем, т. е. равенство русского словосочетания и тунгусо-маньчжурского слова.

Ключевые слова: языки типологически различных систем, синкретичность основ, синтаксический порядок, морфологические категории, словообразовательная модель, морфолого-семантическая структура слова.

Основной проблемой при сопоставлении языков типологически различных систем остается проблема понимания, которая напрямую связана с механизмом эквивалентного выражения смысла, причем не только в семантическом, но и в структурном плане. Тунгусо-маньчжурские языки в большей мере ориентированы на линейное восприятие действительности, что проявляется в жестком порядке, определяющем категориальные характеристики лексических единиц в составе предикативной конструкции, тогда как русский язык демонстрирует скорее экспрессивное восприятие действительности, тяготея к инверсии практи-

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-04-00117.

Озолия Лариса Викторовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия; larisa-3302803@rambler.ru)

чески на всех уровнях синтаксической организации предложения, допуская не-прямой порядок всех членов предложения.

Поэтому грамматические, лексикографические и синтаксические описания языков типологически различных систем, например флективных и агглютинативных, через призму непосредственного наложения одного языка на другой часто наталкиваются на невозможность такого сопоставления, что обусловлено семантической несоотнесенностью элементов языковой структуры, формирующих систему каждого языка на всех его уровнях.

Одной из первоочередных задач лингвистического описания становится структурирование языковой системы любой типологии на основе универсальных параметров, применимых к двуплановым единицам. К таким элементам, имеющим план выражения и план содержания, в любом языке отнесены морфема, лексема и синтаксема (как минимально двухкомпонентная предикативная единица). Взаимосвязанность и взаимозависимость всех уровней языка проявляется в «перетекании», в формировании каждого следующего уровня единицами предшествующего: *морфемы* выступают как предельные и регулярно воспроизводимые в соответствии с моделями данного языка единицы плана содержания *лексемы* – лексической единицы, в свою очередь, определяемой как структурный элемент языка («слово-тип» [Ахманова, 1966, с. 214], содержание которого обусловлено внеязыковой действительностью), формирующий *предложение* как минимально двучленную единицу, компоненты которой связаны предикативными отношениями, а именно: подлежащее и сказуемое, при расширении – группа подлежащего и группа сказуемого.

Все структурные элементы языка проявляют себя исключительно в процессе функционирования, реализуя присущие им категориальные значения как единицы определенного грамматического класса, что имеет значение при морфемном членении лексемы и квалификации суффиксальных показателей как словообразовательные или формообразующие. Для отнесения лексических единиц к определенному грамматическому классу (в традиции – части речи) или грамматическому разряду (подразряду внутри класса, обладающему специфическими чертами, например, собственно имена существительные, местоимения-существительные, причастия-существительные и т. п.) Б. В. Болдыревым был предложен универсальный параметр – общеграмматическое значение [2007, с. 49–50]. Части речи выделяются им на основании общеграмматического значения, как сопутствующие признаки оцениваются лексическое значение, синтаксическая функция и парадигматические характеристики слова.

В языках флективного типа отнесение слова к определенной части речи достаточно прозрачно на уровне начальной словоформы: служебные флективные или суффиксально-флективные морфемы (окончания имен существительных, имен прилагательных, суффиксы-окончания глаголов и пр.) позволяют легко выявить общеграмматическое значение единицы, чего, в совокупности с лексическим, бывает вполне достаточно для частеречной квалификации, синтаксическая составляющая выступает в большинстве случаев как поддерживающий фактор. В агглютинативных или полуагглютинативных языках номинативно-посессивной типологии, к которым относятся тунгусо-маньчжурские, где достаточно широкое распространение имеют так называемые синкретичные основы (скорее, омонимичные единицы: лексемы и основы), синтаксическая функция слова, связанная с его семантикой, является доминирующей, определяющей его общеграмматическое значение, в свою очередь поддерживаемое парадигматическими характеристиками. Квалификация релятивной формы в таких языках осложняется омонимичностью суффиксальных служебных показателей, например, лично-притяжательных суффиксов имени существительного и лично-числовых глагольных суффиксов, а также широко распространенной конверсией, поэтому вне контекста

практически невозможна. Доминирование синтаксического параметра определяется жестким порядком следования членов простого предложения. Очевидно, в условиях «расшатывания» грамматической системы тунгусо-маньчжурских языков в результате массивного влияния русского допустима инверсия на уровнях «подлежащее – сказуемое» и «обстоятельство – сказуемое», но в рамках системы данные отклонения не носят определяющего характера и легко выявляются.

Синтаксические функции членов предикативной конструкции подкреплены парадигматическими характеристиками, свойственными каждому грамматическому классу, например, в тунгусо-маньчжурских языках имени существительному присущи категории склонения, притяжания и числа, отдельным грамматическим разрядам – лица, глаголу – наклонения, времени, спряжения и лица-числа. Морфемная структура именной и глагольной словоформ различна, последовательно дифференцировать имя и глагол можно исключительно на основе их синтаксической роли, невзирая на омонимичность притяжательных личных и личностных суффиксальных показателей (ср. *би битчим-би ходдихани* моя жизнь кончилась и *би горо би-тчим-би* я долго жил). Возвратно-притяжательные суффиксы оформляют исключительно имена существительные и наречия-деепричастия, являющиеся в орокском языке архаичными формами утраченных парадигм имен существительных. Имена прилагательные и наречия в тунгусо-маньчжурских языках выступают как статичные (неизменяемые) формы.

Слово как основная структурно-семантическая единица языка характеризуется совокупностью фонетических, грамматических (словообразовательных и морфологических), а также семантических признаков. Семантические признаки передаются основой слова, формируемой корневым морфем и словообразовательными аффиксами, грамматические характеристики – основой словоформы, включающей формообразовательные аффиксы. Особенностью орокского языка является непоследовательность агглютинации (невозможность проведения четкой границы между частями слова с выделением корня, формообразовательных и словоизменительных суффиксов), которая проявляется наличием сильнейшей фузии, явившейся причиной развития специфических модификаций основ и суффиксов и широко распространенной суффиксальной омонимии. Поэтому морфемная структура орокского слова часто может быть выявлена только при сопоставлении с единицами родственных (негидальского, орокского и др.) или близкородственных (ульчского и нанайского) языков, а в ряде случаев – на основе анализа синтаксической функции слова, если речь идет о глагольных конверсивах.

Квалификация суффиксов как словообразовательные (морфемы, оформляющие корень в процессе морфологической деривации в словообразовательных целях) или служебные (морфемы формообразовательные, носящие реляционный характер, используемые при образовании синтаксических форм) осложняется наличием так называемых полифункциональных, или комплексных, суффиксальных показателей (иерархически морфемы служебные, позиционно выступающие в функции словообразовательных), часто «пролонгирующих» собственно основу слова, например, суффикс косвенной принадлежности при присоединении к основам указательных местоимений (ср. *тари* тот, та, то и *тари-ну-ни* тот человек, где *-ну* входит в состав основы), суффикс множественного числа имени существительного при присоединении к основе прилагательного (ср. *сагди* старый и *сагди-сал* старики), глагольный суффикс прошедшего времени в субстантивах (ср. конверсив *би битчим-би* моя жизнь, где суф. пр. вр. глагола *-тчим* входит в состав основы, и *би би-тчим-би* я жил, где суф. пр. вр. *-тчим* в основу слова не входит, являясь формообразовательным), суффикс подобия и др.

В соответствии с принадлежностью знаменательной лексической единицы к определенному грамматическому классу – имя существительное, имя прилага-

тельное, глагол или наречие – морфемная структура слова может быть представлена в виде словообразовательной (варьирующей в границах *первичная – производная* основа, что определяется количеством словообразующих суффиксов [модель: непродводная (первичная) основа + словообразовательный суффикс / суффиксы], см.: *ва-нда-пун-* отправить на охоту, промысел, где корень *ва-* охотиться, промышленять, словообразовательный суффикс *-нда* идти, словообразовательный суффикс *-пун* заставить, *букв.:* заставить идти (= отправить) охотиться, промышленять) и словоформообразовательной модели (варьирующей в границах грамматического класса и репрезентирующей не только количество словообразовательных, но и порядок следования и квалификацию формообразовательных суффиксальных показателей [модель: производная основа глагола (непродводная основа + словообразовательные суффиксы) + формообразующие суффиксы: суффикс времени + суффикс лица-числа], см.: *ва-нда-пуч-чим-би* я отправит <кого-то> на охоту, где *чи-* (*-чим* в соответствии с фонетическими законами) – глагольный формообразовательный суффикс пр. вр., *-би* – личный глагольный суффикс 1 л. ед. ч.). Необходимость привлечения последней определяется наличием класса комплексных (полифункциональных) суффиксальных морфем, совмещающих в определенных комбинациях функцию словообразовательного и формообразующего суффикса (ср. формообразовательный суффикс *-дума* в *сагди-дума* самый старший, образующий превосходную степень от основы прилагательного, и словообразовательный суффикс выделительности *-дума* в *аг-дума* (именно тот, кто) старший брат – при образовании слова от основ имен существительных, требующих обязательного притяжательного оформления). В рамках семантического соотношения тунгусо-маньчжурской и русской лексической единицы особенно актуальны словообразовательные и словоформообразовательные модели имени существительного и глагола, а также отдельные словообразовательные модели имени прилагательного, поскольку они семантически эквивалентны не словам, а словосочетаниям русского языка. Слова остальных грамматических классов в плане структуры и семантики вполне соотносимы с соответствующими лексемами русского языка.

Особенностями тунгусо-маньчжурских языков, не имеющих структурного соответствия в грамматической системе русского языка, являются такие черты, как наличие у имен существительных категории посессивности, репрезентативных форм множественности, отсутствие категории рода и категории одушевленности-неодушевленности (дифференциальным признаком-актуализатором, определяющим вхождение в ту или иную парадигму, является *лицо – не-лицо*) и отсутствие категории вида у глагола.

Категория посессивности используется для передачи определенных общеграмматических значений. В русском языке атрибутивное значение передается преимущественно словами грамматического класса имени прилагательного, исключение составляет так называемый «родительный притяжания», обслуживающий достаточно немногочисленную группу существительных определенной семантики. В тунгусо-маньчжурских языках слова грамматического класса имени прилагательного, в особенности прилагательные разряда относительных, представлены достаточно скудно. Функциональная зона относительных прилагательных «покрывается» семантическими эквивалентами, в роли которых выступают имена существительные как первый компонент посессивной конструкции с обязательным оформлением второго притяжательным суффиксом соответствующего лица-числа, т. е. наличием категории посессивности или притяжания.

1. Посессивность представлена *прямой* (личной и возвратной) и *косвенной* принадлежностью. Прямая принадлежность – морфосинтаксическая категория, которая реализуется исключительно на уровне синтаксической притяжательной конструкции. Косвенная принадлежность – чисто морфологическая категория,

выступающая всегда как категория «связанного» типа, требующая обязательного оформления лично- или возвратно-притяжательными суффиксальными показателями.

2. Прямая посессивность характеризуется как *именная неполной парадигмы* (оба члена притяжательной конструкции – имена существительные, второй член допускает оформление исключительно аффиксами 3 л. ед. и мн. ч., функция первого члена – чисто атрибутивная: *мапа дукуни* дом старика (букв.: старик-дом-его) и *местоименная полной парадигмы* (первый член – местоимение-существительное или местоимение-прилагательное 1, 2, 3 л. ед. или мн. ч., второй член оформляется соответствующим по лицу-числу аффиксом: *би / мин дуку-би* мой дом (букв.: я / мой дом-мой), аналогично: *си / син дуку-си* твой дом, *бу / муну дуку-ну* наш дом.

3. Местоименные посессивные конструкции характеризуются достаточно регулярной «свернутостью» при использовании в функции определяемого – второго члена – *собственно имени существительного* или *причастия-существительного*, так как функцию опущенного определения – первого члена – вполне успешно восполняет указывающий на лицо-число определения суффикс, например, *ночи дуку-чи = дуку-чи* их дом и др. При использовании в функции определяемого отглагольного имени (особенно существительного неполной парадигмы) первый член конструкции обычно не опускается. В функции определения в посессивной конструкции может выступать как личное местоимение-существительное, так и притяжательное несамостоятельное местоимение-прилагательное, например: *би / мин угда-би* моя лодка (букв.: я / моя лодка-моя); *би / мин алду-будду-ви* для моего принесения известий, новостей < *алду-* приносить известия, новости.

4. Возвратное притяжание характеризуется как местоименное неполной парадигмы, нейтрально в отношении лица, но дифференцируется в отношении числа. Суффиксальный показатель определяется не числовыми характеристиками определения (формально возвратное местоимение *мэнэ* 1) свой, своя, свое, свои – *для одного лица*; 2) свой, своя, свое, свои – *для многих лиц* не дифференцируется в отношении числа), а «замыкается» на число подлежащего, которое даже при его опущении (если оно выражено местоимением-существительным) всегда отражается лично-числовым суффиксом сказуемого, например: *мапа мэнэ угда-ви дапахани* старик свою лодку дал; *нарисал мэнэ угда-ва-ри / угда-л-ба-ри дапахачи* люди свою лодку / свои лодки отдали.

5. Лично-притяжательные формы в составе предикативной конструкции функционально не ограничены: могут выступать в роли подлежащего, определения (в составе «цепной» притяжательной конструкции, например: *мама угда-ни геули-ни* весла старухиной лодки (букв.: старуха лодка-ее весла-ее), дополнения, обстоятельства и именной части сложного сказуемого. Функция возвратно-притяжательных форм сужена: они в силу своей специфики не могут выступать в роли подлежащего и именной части сказуемого. Для возвратно-притяжательных конструкций с отглагольными именами неполной парадигмы в составе предикативной конструкции регулярна роль препозитивных обстоятельств места, причины, условия и несостоявшегося действия или постпозитивных обстоятельства цели или дополнения.

6. Косвенная принадлежность реализуется для дифференциации отторгаемого и неотторгаемого по принадлежности лицу предмета, формальным показателем является суффикс *-ну*, сопровождаемый обязательно лично- или возвратно-притяжательным суффиксом, занимающим позицию абсолютного конца слова, например: *би меван-би* мое сердце, *би меван-ну-би* мне принадлежащее (чье-то) сердце = *би божом-би мева-ни* моего (убитого мной, принадлежащего мне) медведя сердце. Падежный суффикс помещается в интерпозиции между суффиксом косвенной

принадлежности и лично- или возвратно-притяжательным суффиксом, например, *уни-ну-кке-ри* по своей (для многих) реке (*плыли*).

Категория числа в орокском языке охватывает грамматические классы имен существительных и глаголов, факультативно – некоторые разряды имени прилагательного. Число как грамматическая категория представлено двучленной оппозицией и выражается на уровне структуры слова суффиксально.

1. Категория числа имени существительного основана на семантическом противопоставлении «один предмет – множество предметов (более одного)». При этом, как отмечал В. А. Аврорин, «форма множественного числа обозначает только множество предметов, но множественность предметов далеко не обязательно обозначается формой множественного числа существительных» [Аврорин, 1959, с. 138]. В орокском языке для существительных-лиц могут быть отмечены два типа множественности: дистрибутивный и репрезентативный, для не-лиц – только дистрибутивный. Множественность может быть выражена синтетически – через присоединение стандартных общетунгусских суффиксальных показателей *-л* / *-сал* / *-сэл* / *-сол*, и нестандартных, обслуживающих только группы существительных-лиц определенной семантики, дифференцируемых по признаку пола, возраста и степени родства, суффиксов *-нил* / *-рил* / *-чил*, включая суффиксальные показатели репрезентативной множественности *-ја* / *-јо* / *-јэ* и *-тил*. Аналитические формы множественности образуются стандартно – как сочетание наречия числовой семантики «много», «мало», «несколько» или количественных числительных-существительных с именем существительным в форме единственного числа.

2. Число глагола определяется синтаксическими задачами в составе предикативной конструкции – необходимостью координации с подлежащим, и выражается универсальными суффиксальными показателями лица-числа.

3. Число имени прилагательного зависит от числа имени существительного, к которому отнесено, выражается суффиксом *-л* и не носит регулярного характера. В основной массе прилагательные-определения нейтральны в отношении числа.

Отсутствие грамматикализованной категории рода у имен существительных в тунгусо-маньчжурских языках определило использование при актуализации гендерной характеристики маркеров типа «самец» и «самка», дифференцируемых в отношении семантических групп «человек» (*хусэ* мужчина – *эктэ(н-)* женщина), «крупные дикие животные» (*хусэ* самец – *эни(н-)* / *энинэ* самка), «домашние животные» (*курбу* самец – *нами* самка), «морские животные», «рыбы» и «птицы» (*амина(н-)* самец – *энинэ* самка), соответственно структурно семантика русских лексем, например, «олениха» и «олень» соотносится с орокской синтаксической конструкцией *нами ула* (букв.: самка-олень) и *курбу ула*, аналогично *энинэ гаса* утка, *эни(н-) бојо* медведица и др.

Итак, при применении универсальных параметров выделения частей речи даже поверхностный анализ грамматических единиц и их категориальных характеристик в языках различных типологических систем позволяет выявить весьма существенные различия, которые должны учитываться при соотнесении их семантики и структуры.

Список литературы

Аврорин В. А. Грамматика нанайского языка: В 2 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 1.

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энциклопедия, 1966.

Болдырев Б. В. Морфология эвенкийского языка. Новосибирск: Наука, 2007.

L. V. Ozolinya

**On the structural and semantic correlation of grammatical units
of the languages from typologically different systems**

The paper considers the problems of finding out and substantiating the universal criteria of part-of-speech differentiating of units in typologically different languages. With the widely spread sincretic root feature in the Tungusic languages (grammatical homonymy) and such a syntactic norm as the fixed word order in the sentence, brought traditionally to the fore are some syntactic characteristics complemented by morphological categorical features (declension and possession, conjugation, tense etc.) and by semantic characteristics determining the general grammatical meaning. On the basis of the general grammatical meaning (Substantivity/Objectivity, Process in Time, Attributivity and Adverbiality) all autosemantic words of a language are classified words into grammatical classes. The formation of lexical units within every class makes it possible to form an inventory of models. An analysis of morphologo-semantic structure of a word form in correlated languages reveals the correspondence of a Russian lexical unit to some Tungusic morpheme, i.e. correlation of a Russian word phrase and/or a Tongues one.

Keywords: typologically different languages, synergetic roots feature, word order, morphological categories, word formation model, morphologo-semantic word structure.